

МЕМОАРЫ

И. Х. Баграмян

**ТАК
НАЧИНАЛАСЬ
ВОЙНА**

И. Х. Баграмян

**дважды Герой Советского Союза
Маршал Советского Союза**

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Издание 3-е

**КИЕВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ УКРАИНЫ
1984**

63.3(2)722.11
Б14

Печатается по изданию:
И. Х. Баграмян. Так начиналась война.
М., Воениздат, 1977

- Баграмян И. Х.**
Б14 Так начиналась война.— 3-е изд.— К.: Политиздат Украины, 1984.—493 с.

Свои воспоминания Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян начинает с августа 1940 года, когда он из Академии Генштаба прибыл в Киевский Особый военный округ. С началом войны округ развернулся в Юго-Западный фронт. Автор знакомит читателя с подробностями важных событий начального периода Великой Отечественной войны. Особенно широко отображена героическая оборона Киева. Завершается книга контрастованием советских войск под Ростовом-на-Дону и Ельцом осенью и зимой 1941 года.

Б 4700000000—038 85.84
М201(4)—84

63.3(2)722.11

© Воениздат, 1977

К ЧИТАТЕЛЮ

У памяти человеческой, к сожалению, много врагов, медленно, но верно подтачивающих ее. В их числе неумолимое время, по зернышку выметающее из кладовых памяти многие интересные и поучительные факты из прожитой жизни. Новые события и новые впечатления порой невольно заставляют нас по-иному осмысливать пережитое, и тогда дела давно минувших дней начинают вдруг представляться нам несколько в ином, чем прежде, свете. Много опасностей подобного рода поджидает мемуариста. Зная об этом и не надеясь на память, я, приступая к своим запискам, изучил сохранившиеся документы, разыскал активных участников событий.

Пишу я о Великой Отечественной войне. Она будет всегда вызывать неиссякаемый интерес не только у современников, но и у наших потомков. В ходе этого вооруженного столкновения, самого ожесточенного и кровопролитного за всю человеческую историю, особенно ярко проявились непоколебимая прочность первого в мире социалистического государства, величайший патриотизм советских людей и нерушимая дружба народов, населяющих нашу страну.

Мы с законной гордостью вспоминаем блестящие успехи Красной Армии, начиная от великих битв под Москвой, Сталинградом, Курском и кончая победоносным финалом войны.

Не удивительно, что описанию этих операций уделяется большое внимание. Но глубоко заблуждаются те, кто видит в событиях начального периода только неудачи нашей армии, обусловленные внезапностью нападения агрессора. Нельзя забывать, что именно эти грозные дни убедительно показали всему миру, что Красная Армия под испытанным руководством Коммунистической партии

способна выдержать любые, самые тяжелые испытания. Бесстрашие и мужество наших воинов, мудрость партии и правительства развеяли в прах все планы врага.

Весь мир знает, что армии многих капиталистических стран и в менее сложных условиях быстро разваливались и капитулировали перед агрессором. Так гитлеровской Германии удалось сравнительно быстро завоевать почти всю Западную Европу. Легкие победы вскружили голову фашистским заправилам и явились почвой для бредовой идеи об уничтожении Красной Армии и покорении Страны Советов за каких-нибудь шесть недель.

Мне хочется показать читателю, как этот разбойничий план начал рушиться с того самого часа, как гитлеровские армии переступили нашу государственную границу.

Вот почему я решил начать свои воспоминания с кануна войны, а за основу взять события ее начального периода, свидетелем которых был летом 1941 года на Украине. К сожалению, наиболее видные военачальники, непосредственно руководившие боевыми действиями войск на киевском направлении, трагически погибли в конце сентября 1941 года, и поэтому все опубликованные материалы о начальном периоде войны на Украине основывались лишь на скупом и неполном отражающих события документах.

Накануне войны я работал начальником оперативного отдела — заместителем начальника штаба Киевского Особого военного округа, который с первого же дня войны был преобразован в Юго-Западный фронт. Мне довелось принимать самое непосредственное участие как в разработке оперативных планов округа накануне войны, так и в организации руководства боевыми действиями, которые развернулись летом 1941 года на огромной территории Советской Украины в крайне неблагоприятных для нас условиях.

Приняться за воспоминания меня побудило искреннее желание рассказать широкому кругу читателей, в какой исключительно трудной обстановке сражались советские люди, отражая вероломное нападение немецко-фашистских войск, с каким героизмом они выполняли свой воинский долг перед Родиной.

Ничто так не скрепляет дружбу, как совместная борьба и преодоление труднейших испытаний. Но хотя я пишу о людях, память о которых волнует меня и поныне, я старался быть предельно объективным и точным, по-

вествующая, как говорится, «не мудрствуя лукаво» о том, чему был свидетелем.

Каждый, кто когда-нибудь брался за перо, чтобы рассказать о минувших днях, поймет, как нелегко писать о событиях, которые довелось пережить самому. В таком случае иногда кажется, что действия тех командных инстанций, к которым ты принадлежал, логичны и легко объяснимы, а других, наоборот, непонятны и даже ошибочны. Мне хотелось уйти от такого субъективизма. И я старался судить о действиях тех или других военачальников так же, как я оценивал бы свои поступки.

Чтобы помочь читателю понять события начального периода войны, я решил начать свои записки с обстановки, которая складывалась в Киевском Особом военном округе в предвоенные месяцы.

1418 дней длилась Великая Отечественная война. В книге рассматриваются лишь ее первые 178 дней. Это фактически лишь начало войны.

За эти 178 дней Красная Армия не только терпела неудачи, но и била врага, училась побеждать. В меру своих сил я стремился показать это на примере действий войск Юго-Западного и Южного фронтов.

Особо я попытался объяснить причины, вынудившие наше Верховное Главнокомандование всемерно оттягивать отвод армий Юго-Западного фронта из района Киева, когда главные силы фронта находились под угрозой окружения. Читатель сможет убедиться, что, хотя после семидесятидневной героической обороны нашим войскам пришлось оставить столицу Украины, сопротивление их не только не ослабло, но стало еще более яростным. В результате огромных усилий удалось восстановить огромный участок фронта на киевско-харьковском направлении.

Мне хотелось развеять неверное представление о том, что войска Юго-Западного фронта отошли в октябре 1941 года к востоку от линии Белгород, Харьков якобы в связи с поражением в боях, разгоревшихся в конце сентября и в первой половине октября. Что это было не так, я покажу читателю на убедительных фактах.

Знакомясь с обширной литературой о Великой Отечественной войне, я обратил внимание на то, что даже военные историки не совсем четко представляют себе рождение замысла одной из самых первых наших крупных наступательных операций — удара под Ростовом-на-Дону.

Мне довелось с начала и до конца принимать участие в подготовке и проведении этой славной операции, и я старался подробно рассказать о том, как зародилась ее идея и как она претворялась в жизнь.

Завершающим эпизодом моего повествования о первом периоде войны не случайно стало наступление войск правого крыла Юго-Западного фронта под Ельцом, которое явилось, по существу, составной частью грандиозной Московской битвы, развеявшей миф о непобедимости гитлеровской армии. Эта сравнительно небольшая по масштабу операция очень интересна не только особым своеобразием, но и тем, что она была как бы одним из ручейков, из которых родился могучий поток, отбросивший врага от советской столицы.

Отдавая еще раз свой труд на суд читателей, мне, как и каждому автору, хочется, чтобы они не остались равнодушными и всегда помнили доблестных солдат, честно исполнивших свой долг перед Родиной.

Глубоко признателен всем моим боевым друзьям и особенно полковнику Алексею Ивановичу Корнееву. Это их помощи я обязан тем, что, несмотря на большую загруженность служебной и общественной деятельностью, смог завершить работу над книгой.

Автор

ОСОБЫЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

СНОВА В ВОЙСКА

Прошло почти четыре года, как я расстался с 5-й кавалерийской имени Блинова дивизией и перебрался из Житомира в Москву, поступив в только что созданную тогда Академию Генерального штаба. Наша учебная группа насчитывала 13 человек. Друзья шутили: несчастливое число, удачи не ждите. Но пророчество не оправдалось. Учились все успешно. Правда, «чертова дюжина» скоро превратилась в обычную: одного из слушателей отчислили за неуспеваемость.

Академия много дала нам, обогатила наши знания, особенно в области военного искусства. Успехи в учебе были отмечены тем, что некоторые из слушателей нашей группы стали преподавателями этой же академии. Первыми пополнили поредевшие преподавательские кадры эстонец комбриг Йоган Бебрис, полковники Николай Емельянович Аргунов, Владимир Петрович Свиридов и Константин Федорович Скоробогаткин: они перешли на преподавательскую работу вскоре после первого же года обучения. Вслед за ними на эту трудную стезю встали староста нашей группы комбриг Владимир Ефимович Климовских и бывалый летчик майор Иван Никифорович Рухле.

Я успешно сдал выпускные экзамены и уже ждал назначения в войска, когда мне вдруг тоже предложили остаться старшим преподавателем академии. Хотя и без особого желания, согласился.

Преподавал два года. Дела шли нормально. Освоился с кругом новых обязанностей, казалось, ничто не мешало быть довольным своей участью. Но, как кочевника тянет в путь с насиженного места, так и меня, большую часть жизни проводшего в гуще кипучей армейской жизни с ее беспрерывными учениями и походами, неудержимо

потянуло в привычную стихию. Жену я не хотел раньше времени расстраивать своими беспокойными мечтами. Ее, как, впрочем, и всех жен, больше устраивала спокойная оседлая жизнь, чтобы дети могли нормально учиться и не переходить так часто из одной школы в другую.

Предпринял несколько попыток уйти из академии в войска. Не получилось: под благовидными предложениями мне каждый раз отказывали.

Как-то разговорились мы с Аргуновым. Позавидовали товарищам, которые после академии попали в войска. Большой мой приятель и обаятельный человек, полковник Анатолий Николаевич Королев был назначен на должность начальника военных сообщений Московского военного округа. Полковник Трофименко, который учился вместе с нами, уже получил звание комдива и командовал войсками Среднеазиатского военного округа...

— А мы с тобой,— грустно улыбнулся Аргунов,— скоро станем учеными сухарями. Как говорится, ни сказок про нас не расскажут, ни песен про нас не споют. А впрочем, скажут... Скажут: горе-теоретики, мол, оторвались от жизни войск... А чем мы виноваты?

Я хотел было возразить, что быть старшим преподавателем Академии Генерального штаба тоже высокая честь. Но невольно пришли другие мысли. У нас действительно почему-то порой недооценивали командиров, работающих в высших военных учебных заведениях, в центральном аппарате Наркомата обороны и даже в Генеральном штабе. Это иногда вызывало у молодых и наиболее способных офицеров нежелание, боязнь оказаться в центральном аппарате и через пяток лет стать вдруг «отставшим» от своих товарищей, которые попали после учебы в войска.

В то время эта разница в положении между теми, кто проходил службу в высших учебных заведениях и в центральном аппарате, и теми, кто служил в войсках, довольно резко бросалась в глаза. За четыре года моего пребывания в стенах академии мало кто из ее преподавателей вырос в воинском звании, в то время как в войсках их ученики совершали головокружительные взлеты.

С известным ныне военачальником генералом армии Михаилом Ильичом Казаковым, моим давнишним другом, мы прибыли в академию вместе из 5-й кавдивизии им. Блинова. Он, помнится, был тогда майором. Через

год, прервав учебу, Михаил Ильич уехал в Среднеазиатский военный округ. А спустя еще два года мне представилась возможность с радостью поздравить его с присвоением высокого звания комдива.

— А ты слышал,— спросил меня Аргунов,— что генерал армии Жуков назначен командующим войсками Киевского округа? Что, если ему написать? Неужели он не поможет старому однокашнику? Ведь не в Москву же ты просишься, а в войска...

Задумался я над советом друга. Действительно, с Георгием Константиновичем Жуковым мы давно знакомы. В одно время оба командовали кавалерийскими полками, а в 1924—1925 годах вместе учились в Ленинграде, в Высшей кавалерийской школе. Но уж очень не хотелось даже в таком деле использовать, так сказать, личные связи. И тут вдруг прибывает в Москву за своей семьей мой товарищ генерал-майор Рубцов. Мы вместе учились в академии, а затем работали преподавателями. Несколько месяцев назад Рубцов уехал в войска. Человек это был способный, большой знаток штабной службы (в академию он прибыл с должности начальника штаба стрелкового корпуса). Встреча доставила нам обоюдную радость.

— Ну как, где и что делаешь сейчас? — поинтересовался я.

— У Жукова,— ответил он с гордостью.— Начальником оперативного отдела.

— Эх, и везет же тебе! А мне вот никак не удастся вырваться.

— Послушай,— загорелся Рубцов,— проси Георгия Константиновича. Поможет. Он же хорошо знает тебя. Одним словом, быстро пиши письмо, я передам ему лично.

На том и порешили. Письмо получилось кратким, в виде рапорта: «Вся армейская служба прошла в войсках, имею страстное желание возвратиться в строй... Согласен на любую должность».

Очень важно, думаю, напомнить читателям, что международная атмосфера в то время все более накалялась. В Европе шла война. Англия и Франция, всячески толкавшие фашистскую Германию на Восток, против Советского Союза, теперь вынуждены были сами отражать ее натиск. Они пожинали плоды своей вероломной политики. Ведь все попытки нашего правительства договориться

с Англией и Францией о предотвращении совместными усилиями фашистской агрессии ни к чему не привели. Реакционные правительства этих стран рассчитывали политически изолировать Советский Союз и поставить его под удар гитлеровской Германии и милитаристов Японии.

Мудрость партии и Советского правительства предотвратила эту угрозу. Заключение с Германией пакта о ненападении сорвало очередную попытку международной реакции уничтожить первое в мире социалистическое государство руками германских и японских милитаристов.

Конечно, уверенности в том, что фашистское правительство Германии надолго удержится на позициях добрососедства, не было ни у кого. Советские люди знали, с какой звериной ненавистью фашисты относятся к государству рабочих и крестьян. Однако заключенный между Советским Союзом и Германией пакт о ненападении не только сорвал замыслы международной реакции, но и давал нашему народу драгоценный выигрыш во времени, которое было так необходимо для укрепления оборонной мощи страны.

Помнится, в преподавательских кругах и среди слушателей Академии Генерального штаба все чаще разгорались споры о перспективах военных действий в Европе. Многие прямо говорили о возможности поворота гитлеровских полчищ после разгрома Франции на Восток, против нашей Родины.

Вполне обоснованное неверие в миролюбие гитлеровского руководства Германии проскальзывало во всех разговорах. Спрашивает тебя товарищ о здоровье и тут же вопрос:

— Ну как, война будет?

Эту настороженность образно выразил Николай Тихонов в одном из своих стихотворений:

Уходит лондонец в свое бомбоубежище,
Плед по асфальту мокрый волоча,
В его кармане — холодок ключа
От комнат, ставших мусором колючим.
Мы свой урок еще на картах учим,
Но снится нам экзамен по ночам...

Да, мы понимали, что обезумевший от жажды мирового господства фашизм, сбрасывающий сегодня бомбы на мирные города Англии, сможет завтра с еще большим ожесточением обрушить их на наши головы.

Можно ли быть спокойным, когда по соседству с тобой льется кровь мирных жителей, когда их жилища превращаются в руины? Советские люди с тревогой следили за событиями на Западе. Ставшие крылатыми слова: «Фашизм — это война» — напоминали народу об опасности. Быть постоянно настороже побуждало нас и то, что с лета 1940 года мы на большей части западной границы, по существу, стали непосредственными соседями с гитлеровской Германией, а это было весьма опасное соседство.

Тревожные мысли не покидали меня. И именно поэтому хотелось поскорее снова вернуться в войска. Я рад был бы оказаться в любом западном военном округе, но больше всего тянуло в Киевский, из которого ушел на учебу. Я понимал, что в этой беспокойной обстановке армии особенно нужны командиры, получившие необходимую оперативную подготовку в Академии Генерального штаба.

Пока ждал ответа из Киева, в академической поликлинике мне предложили путевку в Кисловодск. Занятий не было, поэтому я с удовольствием согласился, считая, что укрепить здоровье никогда не мешает, и через три дня уже наслаждался чудесной природой Северного Кавказа.

Среди отдыхающих нашлось много знакомых. Люди военные, мы и на досуге не могли избавиться от разговоров об армейской службе, об обстановке в Европе.

Товарищи с удовлетворением отзывались о кипучей деятельности нового Наркома обороны Семёна Константиновича Тимошенко, о его стремлении поднять боевую готовность войск, еще более укрепить дисциплину. Генерал-майор Михаил Иванович Потапов, приехавший из Киевского военного округа, с увлечением рассказывал о начавшемся формировании механизированных корпусов, о предстоящей замене устаревшего танкового парка новыми замечательными машинами.

Дни отпуска промелькнули быстро. Однако и во время отдыха меня не покидала мысль: что ответит мне Жуков? Когда уже потерял надежду, поступила телеграмма. Генерал армии Жуков сообщал, что по его ходатайству нарком назначил меня в войска Киевского Особого военного округа. Мне предписывалось немедленно выехать в Киев.

В Москве, в Управлении по начсоставу, я ознакомился с приказом наркома о назначении меня начальником

оперативного отдела штаба 12-й армии и последней аттестацией, которую дало на меня командование академии.

Случается иногда по пословице: мягко стелет, да жестко спат. О нашем начальнике кафедры генерал-лейтенанте Василии Константиновиче Мордвинове так не скажешь. «Стлал» он жестко: не прощал ни малейшего упущения в работе, безжалостно критиковал нас, молодых преподавателей. Так что на добрый отзыв я и не рассчитывал. Но начал читать собственноручно написанную им аттестацию — и глазам своим не поверил. Столько хвалебных слов, что я невольно усомнился: обо мне ли это? Заканчивалась аттестация выводом: «Должности вполне соответствует и заслуживает присвоения звания «генерал-майор».

И все эти добрые слова высказаны человеком, которого мы всегда считали самым скупым на похвалу!

Получив командировочное предписание и подобрав необходимые материалы, я сентябрьским вечером простился с семьей, которая впервые за всю мою долгую армейскую службу не следовала за мной. Сын и дочь начали учебный год, да и назначение состоялось так неожиданно, что о совместном отъезде не могло быть и речи.

ЗАДАНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО

На следующий день я уже был в Киеве на улице Чкалова, где размещался штаб округа.

Принял меня молодой командир, в петлицах гимнастерки которого поблескивали по три красных прямоугольника.

— Старший батальонный комиссар Сергеев, — представился он, подчеркивая слово «старший».

Начальнику отдела кадров было тогда не более тридцати пяти лет, а выглядел еще моложе. Но он уже обрел снисходительный тон и важность, свойственную некоторым старым кадровикам.

— Мне командующий уже говорил о вас. Пока оформляйтесь, а завтра в одиннадцать позвоните мне. Я общу, когда командующий сможет вас принять.

Попрощавшись с Сергеевым, я поехал в гостиницу. Вечером долго бродил по городу. В Киеве я не впервые. Но каждый раз восхищался им, его прекрасными зданиями.

ми, обрамленными зеленью, его улицами, которые живописными террасами спускаются с холма к самому Днепру, широкому, привольному и всегда затянутому легкой серебристой дымкой. Шеллинг утверждает, что архитектура — это застывшая музыка. Когда любишь многоликую архитектуру Киева, вобравшей в себя вдохновение зодчих на протяжении многих веков, изумляешься целостности этого города. Седая древность неразрывно переплетается, гармонирует с новью. И, несмотря на смешение самых разных архитектурных стилей, город сумел сохранить свой национальный колорит. Идешь по его улицам и невольно думаешь: вот-вот оживет мертвый камень — и ты услышишь хватающую за сердце украинскую песню.

Переполненный впечатлениями, я долго не мог уснуть в ту ночь и потому поднялся позднее обычного. Да и спешить было некуда: до одиннадцати все равно делать нечего. Но не успел я умыться, как в дверь постучал запыхавшийся красноармеец:

— Товарищ полковник, старший батальонный комиссар приказал доложить, что вас немедленно требует к себе командующий.

Сергеев уже нетерпеливо поджидал меня у входа в штаб.

— Идите, вас ждут.

Знакомый по прежним посещениям просторный кабинет. Командующий сидел за столом и размашисто писал резолюцию на каком-то документе. Рядом лежала раскрытая папка с бумагами, дожидаящимися своей очереди. Увидев меня, Жуков бросил на стол карандаш. Суровое его лицо смягчилось улыбкой. Встал, протянул руку:

— Здравствуй, Иван Христофорович. Давненько мы с тобой не виделись.

Мне снова вспомнилась Высшая кавалерийская школа в Ленинграде. В нашей учебной группе оказались А. И. Еременко, Г. К. Жуков, Н. Л. Мишук, К. К. Рокоссовский, П. Л. Романенко, Я. А. Савельев, С. П. Синяков, В. И. Чистяков — люди совершенно разные по складу характера, по манере поведения. Но все они уже тогда были испытанными командирами — волевыми, смелыми в мыслях и поступках.

К тому времени никто из нас еще не достиг и тридцатилетнего возраста. Молодые, сильные — кавалеристы

отличались хорошей физической закалкой,— мы старались перещеголять друг друга и в учебе, и на конно-спортивных состязаниях.

Из всех нас, пожалуй, самым упорным был Андрей Иванович Еременко. С редким трудолюбием осваивал он довольно обширную и насыщенную учебную программу. Настойчивость и неутомимость остались у него на всю жизнь и с особой силой проявились в Великую Отечественную войну.

Георгий Константинович Жуков среди слушателей нашей группы считался одним из наиболее способных. Он уже тогда отличался не только ярко выраженными волевыми качествами, но и особой оригинальностью мышления. На занятиях по тактике конницы Жуков не раз удивлял нас какой-нибудь неожиданностью. Его решения всегда вызывали наибольшие споры, и он обычно с большой логичностью умел отстаивать свои взгляды.

Особые симпатии вызывал к себе элегантный и чрезвычайно корректный Константин Константинович Рокоссовский. Стройная осанка, красивая внешность, благородный, отзывчивый характер и великолепная спортивная закалка, без которой кавалерист — не кавалерист,— все это притягивало к нему сердца товарищей. Среди нас, заядлых кавалеристов, он заслуженно считался самым опытным конником и тонким знатоком тактики конницы.

Все слушатели нашей группы были очень дружны, а дух соревнования только помогал учебе, которая проходила с полным напряжением сил. Благотворное влияние на нас оказывала атмосфера революционной романтики, которой овеян город Ленина — колыбель пролетарской революции. Мы с жадностью приобщались к общественной и культурной жизни Ленинграда. Его революционные традиции, огромное, накопленное веками богатство культуры оставили в нашей памяти глубокий след, еще больше усилили гордость за нашу великую Родину.

После напряженной летней учебы в полевых условиях, закончившейся 200-километровым конным пробегом Новгород — Ленинград и большой двусторонней заключительной военной игрой, мы разъехались в разные стороны. С тех пор минуло уже пятнадцать лет, и я лишь по отрывочным слухам узнавал о судьбах своих товарищей по учебе. Только Г. К. Жуков оказался, как говорится, у всех на виду. Вместо трех шпал в петлицах у него

теперь сверкали пять звездочек генерала армии, а на груди — Золотая Звезда Героя Советского Союза. Далеко шагнул наш бывший однокашник.

Его успех меня не удивлял. Г. К. Жуков обладал не только выдающимся военным дарованием, высоким интеллектом, но и железной волей. Если он чего-нибудь добивался, то всегда шел напрямик.

Внешне Георгий Константинович не очень-то изменился. Разве только стала чуть полнее его коренастая фигура, несколько поредели мягкие волнистые волосы, а черты лица стали еще резче, суровее.

Встреча с бывшим товарищем по учебе началась официально. Я держался строго по-уставному. Поблагодарил командующего за то, что быстро откликнулся на мою просьбу. Он, хмурясь, отмахнулся:

— Ну ладно... Я сделал это не только для тебя, но и на пользу службе. Нам сейчас крайне нужны в войсках командиры с хорошей не только общевойсковой, но и оперативной подготовкой. Думаю, в своем выборе я не ошибся.

Официальность встречи улетучилась. Оба неожиданно увлеклись воспоминаниями о Ленинграде, о времени, когда были совсем молодыми, добрым словом отзывались о товарищах по учебе. Наконец снова перешли к делам. Я попросил командующего разрешить мне выехать к месту новой службы, в штаб 12-й армии.

— Э, нет,— возразил Жуков.— Придется повременить. В декабре состоится совещание руководящего состава Наркомата обороны и всех военных округов. Оно обещает быть широким по составу и важным по задачам.— Помолчав, он добавил: — Нам известно, что сам Сталин примет в нем участие. Основной доклад об итогах боевой и оперативной подготовки за истекший год сделает начальник Генерального штаба. Содокладчики — генерал-инспектор пехоты, начальники Управления боевой подготовки и Автобронетанкового управления, генерал-инспектор артиллерии. По вопросам оперативного искусства и тактики выступят некоторые командующие военными округами. На меня возложен доклад по основному вопросу — «О характере современной наступательной операции». Ты, насколько я знаю, четыре года провел в стенах Академии Генерального штаба; и учился, и преподавал в ней... Догадался захватить с собой академические разработки?

— Захватил, товарищ командующий.

— Ну вот,— оживился Жуков,— поможешь в подготовке доклада.

И Георгий Константинович с увлечением стал излагать свою точку зрения. Все должно строиться на учете реальных возможностей. Успехи немцев на Западе, основанные на массированном применении танковых и моторизованных войск и авиации, заставляют о многом задуматься. У нас, к сожалению, пока нет таких крупных оперативных механизированных объединений. Наши механизированные корпуса находятся еще только в стадии формирования. А война может вспыхнуть в любую минуту. Мы не можем строить свои оперативные планы, исходя из того, что будем иметь через полтора-два года. Надо рассчитывать на те силы, которыми наши приграничные округа располагают сегодня...

— Будем вместе думать,— сказал, завершая разговор, командующий.— Если возникнут вопросы, приходи ко мне без стеснения. Возьми себе в помощь любых командиров из оперативного отдела штаба округа. И завтра же приступай к работе.

— Завтра воскресенье...

— Ну и что же: воскресенье для нас, а не мы для воскресенья,— отшутился Жуков.

Простившись с командующим, я направился к начальнику штаба округа генерал-лейтенанту Максиму Алексеевичу Пуркаеву. Мне до этого не приходилось встречаться с ним, однако я слышал о нем как о способном и образованном генерале. Он свободно владел немецким и французским языками, только недавно вернулся из Германии, где был военным атташе. Родился Пуркаев в бывшей Симбирской губернии, в семье рабочего, по национальности мордвин, окончил реальное училище. По тому времени для паренька из бедной семьи это было редкое счастье. В 1915 году юношу направили в школу прапорщиков, откуда он вышел офицером и попал прямо на фронт. В дни Октября Максим Алексеевич сразу же примкнул к большевикам, добровольно вступил в Красную Армию, а в 1919 году стал членом партии. В боях против Колчака он командовал полком, был награжден орденом Красного Знамени. Служебная карьера Пуркаева не отличалась резкими взлетами, однако в 1931 году он уже возглавлял штаб Московского военного округа. Сослуживцы считали его суховатым, но уважали за ров-